

УДК 343.2/.7

DOI 10.5281/zenodo.17305240

Сушко М. Н.

Сушко Маргарита Николаевна, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, д. 69, ул. Новочеремушкинская, Москва, Россия, 117418. E-mail: margo.lysenko2001@bk.ru.

Отличительные признаки преступного сообщества от иных форм соучастия в российском уголовном праве

Аннотация. В статье исследуются отличительные признаки преступного сообщества (преступной организации) как наиболее опасной формы соучастия в российском уголовном праве. Проводится сравнительный анализ с иными формами соучастия: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Раскрываются такие специфические характеристики преступного сообщества как структурированность, единое руководство, специальная цель. Анализируются проблемы терминологического дуализма понятий «преступное сообщество» и «преступная организация», а также вопросы квалификации деятельности преступного сообщества и разграничения его со сходными формами преступных объединений.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, соучастие, структурированность, организованная группа, единое руководство, квалификация преступлений.

Sushko M. N.

Sushko Margarita Nikolaevna, Lebedev Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117418. E-mail: margo.lysenko2001@bk.ru.

Distinctive features of criminal enterprise in comparison to other forms of complicity in Russian criminal law

Abstract. The article examines the distinctive features of a criminal enterprise (criminal organization) as the most dangerous form of complicity in Russian criminal law. A comparative analysis is conducted with other forms of complicity: a group of persons, a group of persons with prior conspiracy, and an organized group. Such specific characteristics of a criminal enterprise as structured nature, unified leadership, and special purpose are explored. The article analyzes problems of terminological dualism between the concepts of 'criminal enterprise' and 'criminal organization,' as well as issues related to qualifying the activities of a criminal enterprise and distinguishing it from similar forms of criminal associations.

Key words: criminal community, criminal organization, complicity, structured nature, organized group, unified leadership, qualification of crimes.

Современная криминальная реальность демонстрирует возрастающую роль организованных форм преступности в структуре преступных посягательств. Эволюция преступных

объединений от простых групп до сложноорганизованных сообществ отражает адаптационные процессы криминального мира к изменяющимся социально-экономическим условиям. Так, например,

анализ данных ГИАЦ МВД России за период 2017-2023 гг. показал стойкий рост количества преступлений, квалифицируемых по ст. 210 УК РФ, на 66 %, при этом ежегодно от 20 % до 40 % таких преступлений остается нераскрытыми [8, с. 163]. Особую тревогу вызывает трансформация преступных групп в устойчивые образования с развитой иерархией, четким распределением функций и долгосрочными стратегическими целями.

Теоретическое осмысление феномена группового преступного поведения показывает, что объединение усилий нескольких лиц в преступной деятельности создает мультипликативный эффект общественной опасности. Преступления, совершаемые группой, характеризуются не только количественным увеличением причиняемого вреда, но и качественными изменениями самого характера преступного поведения. С.Д. Демчук обоснованно указывает, что главное отличие преступного сообщества от организованной группы заключается в иерархии управления структурными подразделениями, ориентированными на решение криминальных задач по функциональному, территориальному или смешанному признаку [5, с. 37]. Групповая динамика способствует снижению индивидуальных психологических барьеров, стимулирует взаимное подражание и создает атмосферу безнаказанности.

Законодательное регулирование различных форм соучастия в российском уголовном праве основывается на принципе градации общественной опасности. Выделение четырех форм соучастия представляет собой попытку отразить объективно существующие различия в степени организованности и сплоченности преступных групп. Однако практическая реализация данного подхода сталкивается с серьезными трудностями, связанными с оценочным характером многих признаков и их взаимопроникновением [1, с. 189].

Современные исследования выявляют новые признаки преступного сообще-

ства, не получившие прямого закрепления в уголовном законе, но активно проявляющиеся в правоприменительной практике. К.Н. Стрельников на основе анализа судебных решений выделяет такие характеристики как масштабность преступных действий межрегионального характера, мобильность, регенеративность (способность к восстановлению), управляемость, криминализацию передовых технологий, санирующую функцию сообщества и криминальную экспансию [12, с. 152-153].

Анализ эволюции преступных объединений позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Первая тенденция связана с усложнением организационной структуры преступных групп. Если традиционные преступные группы характеризовались простой структурой и ситуативным характером объединения, то современные преступные сообщества представляют собой сложные многоуровневые образования с четкой иерархией и специализацией участников. В ближайшем будущем следует ожидать дальнейшего увеличения количества организованных преступных сообществ, их консолидации, роста совершаемых преступлений, расширения сфер преступной деятельности [8, с. 165]. Вторая тенденция касается расширения сфер преступной деятельности. Современные преступные сообщества не ограничиваются каким-либо одним видом преступлений, а развивают многопрофильную деятельность, охватывающую различные сферы экономики и общественных отношений [1, с. 191].

Третья тенденция связана с интернационализацией преступной деятельности. Развитие информационных технологий и глобализация экономических процессов создают новые возможности для транснациональной преступной деятельности. Преступные сообщества будут укреплять международные связи с аналогичными формированиями в государствах — членах СНГ и АТЭС [8, с. 165]. Преступные сообщества все чаще выходят за пределы

национальных границ, создавая международные сети и используя различия в правовых системах для уклонения от ответственности.

Особенность преступного сообщества как формы соучастия заключается в его способности к саморегуляции и самовоспроизводству. В отличие от других форм соучастия, где участники объединяются для совершения конкретного преступления или ограниченного круга преступлений, преступное сообщество создает собственную систему норм и правил, механизмы разрешения конфликтов и поддержания дисциплины. Д.О. Данилов обоснованно доказывает, что минимальная численность преступного сообщества должна составлять не менее пяти лиц, поскольку в каждом из структурных подразделений должны быть свой руководитель и иной участник сообщества, а также необходимо единое руководство всей преступной организацией [4, с. 8]. Это превращает его в своеобразный «теневой институт», который способен функционировать длительное время и адаптироваться к изменяющимся условиям [2, с. 75].

Структурированность как основной отличительный признак преступного сообщества проявляется в различных формах организации преступной деятельности. Наиболее распространенной является функциональная структуризация, при которой различные подразделения сообщества специализируются на выполнении определенных функций: непосредственное совершение преступлений, обеспечение безопасности, легализация доходов, поддержание связей с коррумпированными должностными лицами и т.д. А.В. Котязов и Е.В. Кочеткова в результате изучения следственно-судебной практики пришли к выводу о закреплении в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 12 в качестве признаков объективной стороны преступления таких организационно-управленческих функций, как планирование, организация, материально-техническое и кадровое обеспечение, однако информационно-аналитическая

функция, прогнозирование, учет и контроль не нашли своего закрепления в руководящем документе высшей судебной инстанции [8, с. 164]. Территориальная структуризация предполагает распределение сфер влияния между подразделениями по географическому принципу.

Размышляя о природе структурированности преступного сообщества, можно предположить, что она является результатом естественного развития преступной группы в условиях усложнения задач и расширения масштабов деятельности. Простая группа не может эффективно функционировать при увеличении числа участников и диверсификации преступной деятельности. Возникает объективная потребность в создании управленческой структуры, способной координировать деятельность различных подразделений и обеспечивать их взаимодействие [10, с. 75].

Единое руководство как признак преступного сообщества представляет собой более сложное явление, чем простое подчинение участников лидеру группы. Речь идет о создании целостной системы управления, включающей различные уровни иерархии и механизмы принятия решений.

Руководители преступного сообщества принимают ключевые решения и дают указания соучастникам по направлениям, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества в государственные, в том числе правоохранительные, органы [8, с. 167].

Критерии разграничения преступного сообщества и организованной группы в правоприменительной практике требуют особой конкретизации. Демчук С.Д. справедливо отмечает, что устойчивость является базовой характеристикой организованного соучастия, которая должна проявляться в криминальной деятельности, а не в родственных, дружеских или

иных личных отношениях между со-участниками [5, с. 43].

Интересным аспектом является формирование в преступных сообществах специфической корпоративной культуры, включающей систему ценностей, традиций и ритуалов. Эта культура служит не только механизмом интеграции участников, но и способом поддержания дисциплины и лояльности. Нарушение корпоративных норм может повлечь серьезные санкции вплоть до физического устранения нарушителя [3, с. 438].

Специальная цель создания преступного сообщества — совершение тяжких и особо тяжких преступлений — отражает качественное отличие данной формы соучастия от менее организованных групп. При этом тяжесть инкриминируемых преступлений не должна изначально определяться только наличием группового квалифицирующего признака, в частности признака «организованная группа» [4, с. 12]. Однако данный признак вызывает определенные вопросы с точки зрения его практической применимости. Во-первых, категория тяжести преступления определяется формально через размер наказания, что не всегда отражает реальную общественную опасность деяния. Во-вторых, многие преступления средней тяжести могут причинять значительный вред при их системном совершении организованной группой.

Проблемы правоприменительной практики по ст. 210 УК РФ детально проанализированы О.С. Капинус, которая указывает на необоснованно высокий процент оправдательных приговоров: в 2019 г. по ч. 1 ст. 210 УК РФ доля оправданных лиц составила 47,9 %, что существенно превышает общий показатель оправдательных приговоров в 0,2 % [6, с. 82]. Такая статистика свидетельствует о системных проблемах в квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ.

Более того, ограничение цели преступного сообщества только тяжкими и особо тяжкими преступлениями может

создавать необоснованные пробелы в уголовно-правовом регулировании. Например, систематическое совершение преступлений средней тяжести высокоорганизованной группой может причинять не меньший вред обществу, чем единичное тяжкое преступление [4, с. 36].

Требование получения материальной выгоды как обязательный признак преступного сообщества также не лишено противоречий. С одной стороны, данный признак позволяет отграничить преступное сообщество от идеологически мотивированных групп (террористических, экстремистских). С другой стороны, он может исключать из сферы действия нормы о преступном сообществе высокоорганизованные группы, действующие по иным мотивам [5, с. 61].

Анализ судебной практики показывает, что установление факта получения материальной выгоды нередко носит формальный характер. Суды зачастую ограничиваются констатацией того, что совершенные преступления объективно могли принести материальную выгоду, не устанавливая при этом, была ли данная выгода реальной целью создания преступного сообщества [5, с. 63].

Проблема разграничения преступного сообщества и сходных форм преступных объединений имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Неточная квалификация может привести к необоснованному смягчению или усилению ответственности, что противоречит принципам справедливости и индивидуализации наказания.

Разграничение преступного сообщества и банды основывается на различиях в целях создания и способах совершения преступлений. Банда создается специально для совершения нападений, что предполагает применение насилия или угрозы его применения. Преступное сообщество может осуществлять свою деятельность и без применения насилия, используя коррупционные связи, обман или иные нена-

сильственные способы достижения преступных целей [6, с. 337].

Вооруженность как обязательный признак банды также служит критерием разграничения. Однако на практике установление факта вооруженности может вызывать сложности, особенно когда речь идет о холодном оружии или предметах, используемых в качестве оружия. Кроме того, современные преступные сообщества могут использовать более изощренные методы принуждения, не требующие применения оружия [6, с. 338].

Дискуссионным остается вопрос о соотношении понятий «преступное сообщество» и «преступная организация». Использование законодателем двух терминов для обозначения одного явления создает определенную путаницу в правоприменительной практике и теоретических исследованиях. Некоторые авторы предлагают различать эти понятия, рассматривая преступное сообщество как более высокий уровень организации преступной деятельности по сравнению с преступной организацией [8, с. 26].

Однако такой подход представляется искусственным и не находит достаточного обоснования в законодательстве. Более логичным представляется рассматривать данные термины как синонимы, отражающие попытку законодателя учесть различные традиции правовой терминологии. Термин «преступное сообщество» более традиционен для российского права, тогда как «преступная организация» больше соответствует международно-правовой терминологии [2, с. 76].

Квалификация деятельности преступного сообщества сопряжена с рядом специфических проблем, связанных с особенностями данной формы соучастия. Одной из главных проблем является установление момента создания преступного сообщества. В отличие от других форм соучастия, где момент создания совпадает с началом совместной преступной деятельности, преступное сообщество может существовать в латентном состоянии, готовясь к совершению пре-

ступлений, но не совершая их непосредственно.

А.В. Котязов и Е.В. Кочеткова выделяют тринадцать основных действий, характеризующих объективную сторону создания преступного сообщества, включая определение стратегии и схемы совершения преступных действий, разработку типовых методов и способов обмана, определение структуры организованной преступной группы, подбор соучастников, техническое оснащение преступной деятельности и организацию видимости хозяйственной деятельности под предлогом выполнения взятых на себя обязательств [8, с. 167–168].

Особую сложность представляет установление структурированности преступного объединения. Данный признак не может быть установлен на основании формальных критериев, а требует всестороннего анализа характера взаимоотношений между участниками, распределения функций, системы управления и других факторов. При этом отсутствуют четкие критерии, позволяющие однозначно отличить структурированную организованную группу от обычной организованной группы с элементами специализации [10, с. 76].

Проблематичным является также установление роли каждого участника в преступном сообществе. Сложная структура преступного сообщества предполагает наличие множества промежуточных звеньев между руководителями и исполнителями. Участники могут выполнять различные функции на разных этапах преступной деятельности, что затрудняет определение их конкретной роли и степени ответственности [9, с. 81].

Дифференциация ответственности участников преступного сообщества в зависимости от их роли представляется обоснованной с точки зрения принципов справедливости и индивидуализации наказания. Однако реализация данного принципа на практике сталкивается с трудностями определения иерархического статуса каждого участника и его ре-

ального вклада в преступную деятельность сообщества [9, с. 82].

К.Н. Стрельников отмечает, что современные преступные сообщества характеризуются способностью к криминализации передовых технологий, включая использование возможностей искусственного интеллекта, беспилотных летательных средств, анонимных каналов передачи зашифрованной информации, автономных чат-ботов, что требует соответствующей адаптации правоохранительных органов к новым формам организованной преступности [12, с. 152].

В целом, анализируя проблемы правоприменения, ученые указывают на необходимость конкретизации критериев оценки устойчивости и структурированности преступной группы: при оценке устойчивости преступной группы необходимо учитывать только те отношения, связи и взаимодействия между соучастниками, которые проявились в совместном совершении преступления, исключая родственные, дружеские или иные личные отношения между соучастниками [6, с. 89].

Анализ правоприменительной практики показывает, что наиболее эффективным способом борьбы с преступными сообществами является комплексный подход, включающий не только уголовно-правовые меры, но и меры административного, финансового и оперативно-разыскного характера. Исключительно важную роль играет выявление и пресечение коррупционных связей преступных сообществ, поскольку именно они обеспечивают их устойчивость и способность противостоять правоохранительным органам [9, с. 205].

Перспективы развития уголовно-правового регулирования ответственности за организацию преступного сообщества и участие в нем связаны с необходимостью устранения существующих пробелов и противоречий в законодательстве. Требуется уточнение критериев разграничения различных форм соучастия,

совершенствование системы наказаний и разработка более эффективных механизмов предупреждения организованной преступности [9, с. 206].

В условиях цифровизации общества и развития информационных технологий возникают новые формы организованной преступности, требующие адекватного правового регулирования. Киберпреступность, использование криптовалют для легализации преступных доходов, создание виртуальных преступных сообществ — эти и другие явления ставят перед законодателем новые вызовы, требующие оперативного реагирования.

Подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что преступное сообщество представляет собой качественно новую форму соучастия, характеризующуюся высокой степенью организованности, структурированности и общественной опасности. Его отличительными признаками являются сложная внутренняя структура, единое руководство, специальная цель и направленность на извлечение материальной выгоды.

Однако существующее правовое регулирование не лишено недостатков и требует совершенствования. Необходимо уточнение критериев разграничения различных форм соучастия, устранение терминологических неточностей и разработка более эффективных механизмов противодействия организованной преступности.

Эффективная борьба с преступными сообществами требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение профессионального уровня правоохранительных органов, развитие международного сотрудничества и создание эффективной системы предупреждения организованной преступности. Только такой подход может обеспечить реальное снижение уровня организованной преступности и защиту общества от ее негативных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благов Е. В. О законодательных видах соучастия в преступлении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5. С. 187–193.
2. Бычкова Н. О. Понятие преступного сообщества в современном уголовном праве России // Юриспруденция в теории и на практике. Пенза, 2022. С. 74–77.
3. Гореликова А. В. Преступное сообщество как форма соучастия // Россия в XXI веке. Барнаул, 2020. С. 437–438.
4. Данилов Д. О. Отличие преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы // Уголовное право. 2024. № 6. С. 3–13.
5. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. 2022. № 2. С. 34–45.
6. Капинус О. С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 80–90.
7. Костин А. В. Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6-1. С. 332–339.
8. Котязов А. В., Кочеткова Е. В. Некоторые аспекты совершенствования перечня признаков объективной стороны статьи 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) // Закон и право. 2024. № 7. С. 162–169.
9. Леонтьева Ю. В., Овчинко О. А. К вопросу о признаках преступного сообщества // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Красноярск, 2021. С. 204–206.
10. Лухнева Е. Я. Актуальные проблемы соотношения понятий преступного сообщества и преступной организации // Будущее науки. СПб., 2023. С. 25–27.
11. Пономаренко Е. В. Некоторые вопросы толкования признаков преступного сообщества // Проблемы общественных наук в России и за рубежом. Йошкар-Ола, 2024. С. 78–83.
12. Стрельников К. Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика признаков преступного сообщества (преступной организации) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 148–153.
13. Фризен П. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества // Борьба с преступностью: теория и практика. Могилев, 2024. С. 74–76.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Blagov E. V. O zakonodatel'nyh vidah souchastija v prestuplenii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2020. № 5. S. 187–193.
2. Bychkova N. O. Ponjatie prestupnogo soobshhestva v sovremennom ugovolnom prave Rossii // Jurisprudencija v teorii i na praktike. Penza, 2022. S. 74–77.
3. Gorelikova A. V. Prestupnoe soobshhestvo kak forma souchastija // Rossiya v XXI veke. Barnaul, 2020. S. 437–438.
4. Danilov D. O. Otlichie prestupnogo soobshhestva (prestupnoj organizacii) ot organi-zovannoj grup-py // Ugolovnoe pravo. 2024. № 6. S. 3–13.
5. Demchuk S. D. Ugolovno-pravovye priznaki prestupnogo soobshhestva (prestupnoj organizacii) i ih sootnoshenie s priznakami inyh form souchastija // Lex Russica. 2022. № 2. S. 34–45.
6. Kapinus O. S. Priznaki prestupnogo soobshhestva (prestupnoj organizacii) v kontekste novogo primechanija k st. 210 UK RF // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 9. S. 80–90.
7. Kostin A. V. Formy souchastija v prestuplenii // Voprosy rossijskogo i mezhduna-rodnogo prava. 2023. № 6-1. S. 332–339.
8. Kotjazhov A. V., Kochetkova E. V. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya perechnja pri-znakov ob#ektivnoj storony stat'i 210 UK RF (Organizacija prestupnogo soobshhestva (prestupnoj organi-zacii) ili uchastie v nem (nej) // Zakon i pravo. 2024. № 7. S. 162–169.
9. Leont'eva Ju. V., Ovchinko O. A. K voprosu o priznakah prestupnogo soobshhestva // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'ju. Krasnojarsk, 2021. S. 204–206.
10. Luhneva E. Ja. Aktual'nye problemy sootnoshenija ponjatij prestupnogo soobshhestva i prestupnoj organizacii // Budushhee nauki. SPb., 2023. S. 25–27.

-
11. Ponomarenko E. V. Nekotorye voprosy tolkovaniya priznakov prestupnogo soobshhestva // Problemy obshhestvennyh nauk v Rossii i za rubezhom. Yoshkar-Ola, 2024. S. 78–83.
 12. Strel'nikov K. N. Ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja harakteristika priznakov prestupnogo soobshhestva (prestupnoj organizacii) // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2024. № 4. S. 148–153.
 13. Frizen P. D. Ugolovno-pravovye priznaki prestupnogo soobshhestva // Bor'ba s prestupnost'ju: teori-ja i praktika. Mogilev, 2024. S. 74–76.

Поступила в редакцию: 15.09.2025.

Принята в печать: 30.10.2025.